5 73

5 1/13

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Народного Комиссариата по Продовольствию.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. А. Орлов.

Продовольственное дело в России

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ и РЕВОЛЮЦИИ.

74 1/4

Цена 5 руб.

МОСКВА—1919 г.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповский пер., № 11.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1258903

5
13

Продовольственное дело в России

во время войны и революции.

Государственная публ...
...ческая би...

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1258903

Продовольственное дело в России во время войны и революции.

Всякое общественное явление необходимо оценивать в исторической перспективе. Только тогда выступят перед нами во всей наготе движущие классовые силы и определится удельный вес изучаемых фактов.

Бесспорно, еще не настало время для беспристрастного исторического изучения продовольственных мероприятий в России. Но не бесполезно привести в известную систему то, что мы уже знаем, установить главнейшие этапы борьбы, завязавшейся с первого дня войны вокруг российского голода.

1. Хозяйственная политика самодержавия.

Ввязавшись в мировую войну, самодержавие отнюдь не учитывало ни длительности ее, ни тех изменений, какие она должна была внести в народное хозяйство. Не меньшее легкомыслие и невежество проявила, впрочем, и так называемая общественность, руководимая представителями науки и промышленности.

Основной мотив той песни, какую затянула с июля 1914 г. наша буржуазная пресса, заключался в следующем. Россия необычайно богата сырьем и продовольствием. И если, паче чаяния, мы не раздавим немцев в пять месяцев на полях сражений, мы победим их нашим изобилием. У нас не только не может быть голода и дороговизны, у нас будет, в виду прекращения вывоза заграницу, колоссальный излишек и опасная для сельского хозяйства дешевизна.

Подкрепленная авторитетом некоторых видных профессоров, эта экономическая тарабарщина, видоизмененная сообразно ходу событий, владеет обывательским разумом и до сего дня.

Именно такое убеждение положила в основание своей работы и бюрократия.

Правда, уже 1 августа 1914 г. совет министров поручил заготовку продовольствия и фуража для армии Главному Управлению Земледелия и Землеустройства и его окружным и губернским уполномоченным. Но этим правительство не хотело встать на путь регулирования продовольственного снабжения страны. Дело об'яснялось просто: создавая многомиллионную армию, вспомнили, что интенданты ее не сумеют прокормить, а если и сумеют, то слишком много украдут. Это—с одной стороны. С другой же—опасались передать дело снабжения в руки банков или земств, так как не хотели показать свое бессилие и укрепить либеральную оппозицию. Остановились на ведомстве земледелия, как наиболее организованном и более нейтральном в отношении местного самоуправления, частной торговли и кооперации. Самая личность Кривошеина, шефа этого ведомства, создавала надежду, что усыпленная ничего не значащими намеками оппозиция поможет правительству наладить грандиозные армейские заготовки.

Очень скоро, однако, обнаружилось, что „научные выводы" доморощенной профессуры и желтых газет никуда не годятся. Вместо ожидаемого падения цен на сельско-хозяйственные продукты, явилось постепенное и неуклонное повышение дороговизны.

Теоретики и бюрократы не ошибались, что, не смотря на предшествующие войне сравнительно неблагоприятные урожаи, Россия обладала излишками хлебов. Но они не учли одного обстоятельства—длительности войны. А как раз это было отлично учтено спекулятивным хлеботорговым и банковским капиталом. Вот почему чуть ли не с первых дней войны началась на продовольственном рынке игра на повышение и скупка запасов, а вместе с тем, конечно, и задержка в сбыте со стороны хлебопроизводителей-помещиков и крестьян.

Насколько значительным и быстрым темпом шло вздувание цен, видно из следующих данных. За период с июля 1914 года по май 1915 г., т. е. за 9 первых месяцев войны, рыночная стоимость хлебов в отношении к средней за 1913—1914 г. повысилась:

для ржи	. . . . .	на 72%
„ овса	. . . . .	„ 109%
„ ржаной муки	. . . . .	„ 64%
„ ячменя	. . . . .	„ 53%
„ пшеницы	. . . . .	„ 38%
„ пшеничной муки	. . . . .	„ 23%

Уже из этих цифр будет ясно, почему вычисленные статистиками свободные запасы хлеба (около 800 миллионов пудов), вполне осязаемые на бумаге, исчезли в действительной жизни. Они не были с'едены или вывезены за границу, они бесспорно были в стране, но приобрели странное, удивительное для профессорского ума свойство—не понижать, а повышать цены. Это свойство придала им спекуляция, верно определившая кон'юнктуру. Хлеб был, но на складах.

Вот почему уже в первую заготовительную кампанию 1914—1915 г. уполномоченные „Хлебармии“ (т. е. Гл. Управление Земледелия, впоследствии—Министерство Земледелия по отделу заготовок) столкнулись с утечкою хлеба в подполье, стали испытывать затруднения в выполнении армейских нарядов.

Перед самодержавием встала тяжелая задача: терпеть дольше хлебную спекуляцию—значило купить дружбу аграриев-помещиков и сельских кулаков ценою ослабления армейского снабжения и повышения государственных расходов; бороться со спекуляцией путем установления, под страхом реквизиции, предельных (твердых) цен,—значило порвать кровные узы с поместным землевладением во имя укрепления армии и во имя ожидавшейся победы на фронте.

Правительство стало принципиально на верный путь, подсказанный из промышленных и думских сфер: оно решило бороться так, чтобы... не было обиды спекулянтам.

Указом 17-го февраля 1915 года командующим военных округов было предоставлено право устанавливать запрещения вывоза продовольственных продуктов из производящих местностей, утверждать обязательные цены на эти продукты и вводить реквизицию против тех, кто упорствует в сдаче для армии произведений сельского хозяйства.

Соображения авторов этого указа были несложны: рост цен на пищевые продукты в местах производства об'ясняется усиленным вывозом таких продуктов в голодающие районы империи; достаточно пресечь вывоз, как падет спекулятивный спрос, товар останется без покупателя и, конечно, потечет в руки правительственных уполномоченных, ибо цены на казенных ссыпных пунктах, установленные генералами, будут отнюдь не грабительскими, а „справедливыми“, т.-е. высокими. Если указ и упоминает страшное слово „реквизиция“,—это делалось, выражаясь грубо, для пущей важности: пусть все Коробочки и Собакевичи видят, что Петроград не шутит.

Увы, Петроград шутил, и последствия этой его шутки были печальны. Местные власти широко использовали свои полномочия, вытекавшие из указа 17-го февраля. Чуть не каждый губернатор об'явил запрет на вывоз из своей губернии тех продуктов, какие были там в изобилии. Россия превратилась в совокупность многочисленных государств, каждое из коих было огорожено от соседей таможенной стеной. Фельетонисты острили по поводу экономических войн, разыгравшихся между соседними губерниями.

Но наличие запретов вывоза дало лишний повод спекулянтам для повышения цен: давая взятки полицейским и железнодорожникам по 200 руб. на вагон, торговцы считали себя вправе и в силе наживать по 2.000 рублей на вагон, сверх обычного профита. Население промышленных центров и нехлебородных районов немедленно почувствовало на своей спине шутки их высокопревосходительств.

Конечно, ни о каком понижении цен в районах производства не могло быть и речи. Обратно—цены возрастали все более и более

скорым темпом. Никто не обращал внимания на об'явленные некоторыми губернаторами твердые цены. Они игнорировались даже и уполномоченными „Хлебармии", неизменно оправдывавшимися тем, что наряд нельзя выполнить, если закупать только по губернаторской цене.

Скоро сами творцы указа 17-го февраля должны были сознаться, что, кроме необычайной путаницы хозяйственных отношений и чудовищной спекуляции, они своим актом ничего не достигли.

Вместе с тем стало очевидным, что над страною нависает голод. Все чаще и чаще города и земства, всегда, как известно, существовавшие в дефицит, стали обращаться к центральной власти за ссудами на организацию снабжения населения предметами первой необходимости; все больше и больше приходило в Петроград депеш' с зашифрованными строчками. В этих шифрах губернаторы и военные власти указывали на начинающееся там и здесь глухое брожение народа на почве все возрастающей дороговизны.

Правительство охотно открывало продовольственные ссуды, насколько позволяло стесненное положение государственного казначейства. Организация цензовым самоуправлением собственных—муниципальных—заготовок не угрожала ни промышленности, ни крупной торговле. От этих операций страдал отчасти лишь розничный торговец,—персона не влиятельная. На этом же основании полицейская монархия относилась терпимо и к кооперативным об'единениям обывателей.

Но самопомощь населения, в форме муниципальных и кооперативных оптовых закупок, устраняя от дела снабжения мелкаго спекулянта (наиболее раздражавшаго наивных потребителей), не подрывала и не могла подорвать корень спекуляции. Помещики, кулаки, крупные хлеботорговые фирмы, банки продолжали неуклонно свою игру на повышение продовольственных цен. В борьбе с этой сплоченной кликой были безсильными не только земства и города (сами тесно связанные с мародерами тыла), но и кооперация.

Дороговизна на частном рынке прогрессивно возрастала, а вместе с тем уполномоченным „Хлебармии" становилось все труднее и труднее привлекать продовольственные продукты к казенным ссыпным пунктам. Патриотически настроенный помещик никак не хотел понять, что дело национальной обороны требует от него отправить хлеб уполномоченному по 1 руб. 80 коп. пуд, а не сдавать этот хлеб московскому спекулянту по 2 руб. 10 коп. пуд. Спекулянт имел всегда преферанс перед агентом казны, ибо торговый банк, учитывая консаменты, не был связан ни расходной сметой, ни кон'юнктурой для заключения новых займов на парижской бирже... Всем этим была связана государственная власть дорогого отечества. Ну, что ж: тем хуже для дорогого отечества!

На поверхности было пока спокойно. Но кризис назревал. Это видели и петербургские чиновники. Надо было предпринять какие

то действия, более разумные, чем губернаторские рогатки, и более решительные, чем простое субсидирование муниципальных оптовых закупок.

Положением совета министров 19 мая 1915 г. учреждается Главный Продовольственный Комитет, состоящий из представителей ведомств, столичных самоуправлений и промышленно-торговых организаций и работающий под председательством министра торговли. Задачи этого Комитета были очерчены весьма широко. На него возлагался учет запасов, заготовка продовольствия для населения, составление плана перевозок, снабжения, установление норм снабжения, предельных цен и такс, надзор за всеми торговыми предприятиями, законтрактование и, в случае надобности, реквизиция водных перевозочных средств и т. д. В качестве подсобных Главному, на местах учреждались губернские продовольственные комитеты.

Однако, бюрократия не спешила с действиями. Комитет собрался и счел за благо углубиться в изучение тех розничных такс, какие вышли с начала войны из под пера местных борцов с голодом — губернаторов. Имелось в виду „об'единить и согласовать" губернаторскую практику по ущемлению розничных торговцев. Талантливый молодой министр торговли кн. Шаховской гениально рассудил, что если мелкого торговца прижать не местной, губернаторской, а всероссийской министерской таксой, то спекуляцию и голод как рукой снимет.

Много месяцев было-бы затрачено просвещенными членами Главного Комитета на установление такой универсальной, всероссийской таксы, если бы лето 1915 года не было роковым для самодержавия и всех его совещаний и комитетов.

Русские армии покатились с Карпат и из Польши. Явился на сцену либеральный министр Поливанов, усилилось значение Государственной Думы, началась знаменитая общественная мобилизация промышленности и проч.

И буржуазно-цензовые круги, и лучшая часть бюрократии сознавали, что положение может быть спасено мерами чрезвычайными. Тогда-то и зародилась в думских сферах „младотурецкая идея" — создать под председательством Поливанова особый совет по урегулированию производства и снабжения, на который были-бы возложены самые широкие полномочия и который находился-бы фактически под контролем Государственной Думы.

Отечественные младотурки достигли, однако, немного. Дворцовая камарилья, ободренная молчанием народа и относительной успешностью отступления на фронте, оказала яростное сопротивление. Вместо единого органа государственной экономической диктатуры, было создано четыре особых совещания: по обороне, перевозкам, топливу и продовольственному делу,— каждое под председательством соответствующего министра и в составе членов Государственной Думы и Государственного Совета *в равном* числе.

Вскоре были вытеснены из совета министров и те сановники, на содействие которых сильно рассчитывали думские „революционеры", и которые были способны в известной мере на сотрудничество с плутократией. Мы имеем в виду Кривошеина и Поливанова.

По мере того, как русские армии, отбиваясь от наседающих немцев, закреплялись под Ригой, на Двине, в Полесье и в восточном куске Галиции,—думская фронда сходила на нет. Население, „привыкая к голодовкам", пока что было патриотично. Фальшивые речи Чхеидзе и Керенского не указывали, к тому-же, пути действий, не будили энергии.

Вот при каких условиях прошел и стал претворяться в жизнь *закон 17-го августа 1915 года об Особом Совещании для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу* и о трех других особых совещаниях.

Все-же полномочия, какими обладал Главный Продовольственный Комитет, перенесены были этим законом на новое ведомство продовольствия.

Вся организация Хлебармии вошла в состав Особого Совещания, как заготовительный аппарат, причем имелось в виду, что уполномоченные Хлебармии будут в дальнейшем заготовлять продовольствие не только для армии, но и для населения.

Распределительные функции были возложены на особых агентов—уполномоченных председателя Особого Совещания по продовольственному делу. Таким агентами явились, за ничтожными исключениями, губернаторы и градоначальники. Реакция обнаруживала этим свое лицо.

Новый орган государственного продовольствия носил все черты бюрократической канцелярии. Ему были чужды инициатива и государственная идея. Подталкиваемое печальными фактами действительности, Особое Совещание хотя и шло вперед, но старалось избирать по возможности проторенные дорожки старой полицейско-дворянской практики.

Характерно, что на одном из первых своих заседаний Совещание постановило, что оно не призвано ломать старых органов, ведавших продовольствием, а должно лишь об'единить их работу. Вот почему остались и процветали до самой февральской революции такие никчемные учреждения, как Особая Продовольственная Часть Министерства Внутренних Дел и т. п. Вот почему и всякого рода интенданты вели успешную войну за свое право самостоятельных заготовок не только в прифронтовой полосе, но и внутри страны. Продолжали свою запретительную практику и командующие военными округами.

Все это создало путаницу и перебои в заготовительной и распределительной работе продовольственного центра.

Призванное снабжать не только армию, но и население, Совещание по Продовольствию в первые недели своего существования склонно было преуменьшать лишения неземледельческих районов и полагало, что, путем упорядочения ссудной операции в отношении

земств и городов и путем отпуска продуктов населению из армейских заготовок (конечно, лишь в исключительных случаях), можно ликвидировать „так называемый голод".

Однако, очерченный выше процесс спекуляции, поднятия продовольственных цен, скрывания запасов, беззастенчивого нарушения всех и всяческих губернаторских и муниципальных такс и твердых цен, продолжался. Возрастающее расстройство железнодорожного хозяйства усугубляло тяжесть продовольственного положения страны.

Уже осенью 1915 года трудовое население столиц и неземледельческих районов, при видимом обилии продуктов, стало испытывать не „так называемый", а подлинный голод. Ни повышение заработной платы, ни усилия кооперативных об'единений не могли в достаточной мере сохранить „общественное спокойствие".

К тому же, наряду с продовольственным, вырисовывался топливный, металлический, мануфактурный голод. Мобилизация промышленности, переход не только крупных предприятий, но и ничтожных мастерских на оборонную работу, отягченные беспрерывными мобилизациями, сказались на состоянии рынка.

Волей-неволей пришлось расширить первоначальные задачи и масштаб регулирования хозяйства. Уже в ноябре 1915 г. Особое Совещание составляет план снабжения населения хлебом, взяв тем самым на себя заготовку и распределение продуктов продовольствия гражданского населения. В дальнейшем в этот план был включен и ряд других продовольственных продуктов первостепенной важности.

В связи с этим, пришлось обратить особое внимание на заготовительную работу местных уполномоченных Хлебармии. В то время, как в операционный период 1914—15 г. было закуплено казною около 300 миллионов пудов хлеба и круп, в период 1915—16 г.—около 500 миллионов пудов, в операционный период 1916—17 г. необходимо было заготовить свыше одного миллиарда пудов, т. е. приблизительно все количество обычно поступавших из хозяйств на рынок хлебов. Приблизительно в такой-же прогрессии повышались заготовки фуража, жиров, сахара и проч.

Как-же возможно было уловить в государственный закром такие громадные количества хлеба? Теоретически мыслимы были два пути: 1) система повышенных цен, таких, которые, по общим хозяйственным условиям, не могли-бы выплачиваться производителю ни одним спекулянтом, и 2) система принудительной сдачи государству продовольственных припасов, независимо от высоты устанавливаемых властью цен.

В первом случае государство било-бы рублем, во втором-же, ссылаясь на „великую патриотическую цель",—дубьем.

Правительство Романова пыталось применить обе системы.

Твердые цены, установленные на хлеба, зерновой фураж, крупы и некоторые другие продукты в период осень—зима 1915—16 г.г. были, в общем, выше существовавших рыночных цен (почему они и

носили скромное название предельных). Интересы аграриев стояли перед центральными государственными учреждениями на первом плане, голос местных земских совещаний был услышан в полной мере. Но, кроме таких узкоклассовых вожделений помещиков, правительство, несомненно, считалось и с практической стороной дела: „выше-рыночные" твердые цены казались тем рычагом, с помощью которого можно было экономическую стихию обратить на служение правительственным целям.

Однако, экономическая стихия разрушила эти надежды. Как мы уже говорили, к осени 1915 года спекуляция достигла чрезвычайных размеров; высокие предельные цены послужили не тормазом, а побудительным средством к дальнейшей игре на повышение. Уже в момент издания соответствующих законов, предельные цены считались и поставщиками, и уполномоченными Хлебармии твердыми, т. е. минимальными, ниже-рыночными ценами. Многие уполномоченные не обращали на них внимания и, памятуя интересы аграриев (ибо сами часто являлись крупными помещиками), производили закупки по рыночной, так назыв. вольной цене. Иными словами, первый опыт издания нормировочных цен из Петербурга разделил судьбу многочисленных опытов местной администрации.

К осени 1916 г. пришлось прибегнуть ко второй системе — пониженных (сравнительно с рыночными) цен и принудительного отчуждения продовольственных запасов. Предельные цены, изданные в этот второй период, уже несколько ниже спекулятивных, вольных цен.

Такая уступка аграриев, определявших тогда движение российских политических вод, об'яснялась в первую очередь чрезвычайными затруднениями государственного казначейства. Надо было экономить на армейских заготовках, потому что реализация займов на внешних рынках, при всей любви к нам союзников, встречала все больше и больше препятствий.

Затем, промышленная буржуазия, не на шутку встревоженная голодным ропотом рабочего населения и не желая безконечно повышать заработную плату, чтобы таким образом хотя-бы часть своих огромных прибылей перелагать из своего кармана в карман кулаков и помещиков, повела энергичное наступление за твердые цены на продовольствие и за регулировку продовольственнаго дела (но не всего народного хозяйства в целом и не за универсальную твердую цену. Разница большая, а мотивы вполне ясны и без комментариев).

Наиболее дальновидные бюрократы не могли к тому-же не видеть и чисто политической опасности дальнейшего процветания спекуляции.

Установив твердые цены ниже рыночных, Особое Совещание должно было распространять их уже не только на сделки по поставке продовольствия армии, но и на все сделки. В операционный период 1915—16 г. этого не было сделано.

Однако, сказав А, бюрократия не решалась сказать и Б. Продовольственные излишки сельских хозяйств еще не были об'явлены

государственной собственностью. И уполномоченным Хлебармии, и местным самоуправлениям, и даже частным лицам предоставлялось искать продовольствие и за всякую найденную партию платить по твердой цене; если-же владелец не соглашался на получение такой цены, то—реквизировать подысканную партию. (Право реквизиции предоставлено было уполномоченным Хлебармии в широких размерах)

Предполагалось, что потребитель (т.-е. уполномоченный Хлебармии и агент самоуправления или той или иной потребительской организации) будет всегда платить наинизшую, т.-е. твердую цену, и одобренная властью система будет проведена в жизнь.

Действительность оказалась более мрачной, чем предположения хитроумных экономистов из Особого Совещания.

Твердые цены игнорировались прежде всего спекулянтами. Хлеботорговец никогда не позволит себе испортить отношения с хлебопроизводителем, в котором он, при недостатке продукта, нуждается и от которого зависит. Зачем призывать реквизирующую власть, когда есть надежда на сбыт в голодающих местностях как угодно дорого оплаченного продовольствия? Это—во-первых. Во-вторых-же у спекулянта всегда жил в душе основательный страх перед уполномоченными Хлебармии, реквизировавшими с лета 1916 года направо и налево все подвертывавшиеся партии продовольствия для покрытия срочных армейских нарядов.

Что касается действительного потребителя, — он не прочь былбы платить и ниже твердой цены, но беда его заключалась в том, что тайные продовольственные хранилища открывались перед ним лишь тогда, когда он забывал о существовании твердой цены, а платил столько, сколько спросят.

Сами уполномоченные, преследуя классовые интересы помещиков, а часто и под тяжестью тех нарядов, какие на них щедро сыпались из центра, сплошь и рядом игнорировали твердую цену, пускались в азартную игру на повышение, дабы привлечь продовольствие на свои заготовительные пункты.

Таким образом, выяснялось все более и более, что твердая цена при свободе торговли—абсурд. Казалось необходимым противопоставить свободе хлебопроизводителя волю государства, а интересы потребителя об'единить в лице государственных заготовочно-распределительных органов.

И мы наблюдаем, как с осени 1916 г. промышленная буржуазия (и все так называемое либеральное общество) начинает брать перевес. Твердая цена твердеет. Уходит в отставку тупой реакционер-помещик граф Бобринский, и его место занимает Риттих, оказавшийся весьма умелым и изворотливым администратором. Делая необходимую по тому времени уступку аграриям в виде ловкого „раз'яснения" твердой цены (не франко—станция, как предусматривалось законом, а франко—амбар владельца), Риттих впервые применяет в государственном масштабе принцип принудительности, вводит обязательную

поставку хлеба в казну по твердой цене, согласно погубернской, поуездной и волостной разверстке.

Вполне естественно, что эта последняя мера умного бюрократа встретила яростное сопротивление на местах. Одна губерния за другою указывали, что они не располагают теми излишками, какие имел в виду при разверстке Риттих, что если разверстку провести в ее первоначальном, утвержденном министром земледелия, виде, то производящие губернии будут опустошены, их придется кормить ввозным продуктом и т. д. Действительное основание было, разумеется, иное: аграрий не желал отдать государству по твердой (пусть и повышенной) цене то, что он хранил для спекуляции.

На этот раз центральная власть осталась, однако, на принятой ею позиции: твердая цена не подверглась дальнейшим „раз'яснениям" и самая разверстка стала неуклонно проводиться в жизнь, дав, впрочем, в виду явного и скрытого сопротивления местных органов, небольшие результаты.

Риттиховские мероприятия в продовольственном деле имеют более глубокий исторический слысл, чем может показаться с первого взгляда. Искреннее, а не показное только, стремление государственной власти овладеть продовольственными (т. е. почти всеми сельскохозяйственными) продуктами по цене ниже рыночной указывает, что в ходе войны государственная дирижерская палочка выпала из рук аграриев и была подхвачена Советом С'ездов Промышленности и Торговли.

Самая война, начатая самодержавием из чувства самосохранения перед революцией, очень скоро превратилась в кровное дело российской *промышленной* буржуазии. Естественно, что эта группа имущих стремилась обеспечить и победу, т. е. укрепить народное хозяйство России.... за счет помещика и мужика. Вот откуда явились у нас твердые цены на продовольствие, при отсутствии таких-же твердых цен на продукты промышленности.

II. Экономическая программа Временного Правительства.

Февральская революция 1917 г., которая окончательно закрепила власть за промышленной буржуазией, означала, в сущности, крах такой экономической политики.

Декретировать твердую цену на хлеб, оставив в руках спекуляции ситец, гвозди, керосин и т. п.,—это равносильно экономическому закабалению земледельца. Но закабалить можно тогда, когда имеются на то реальные силы, т. е. когда имеется такой полицейско хозяйственный аппарат, который может действительно обшарить десятки миллионов крестьянских закромов и собрать все скрываемые излишки в один единственный государственный закром.

Этого аппарата не было у Риттиха. Вот почему его разверстка не удалась и его даже и повышенные твердые цены не соблюдались.

Спекуляция действовала по старым, присущим ей законам: внимательно следила за всеобщим падением выработки и естественным обестовариванием рынка, создавала, насколько было в ее силах, искусственное бестоварье и выпускала на рынок небольшие партии продуктов по вздутым ценам, выполняя тем самым свою провиденциальную в капиталистическом обществе роль: при недостатке благ для всех, обеспечить благами хотя-бы только богатых людей.

Богатые, т. е. те, которые наживались на казенных военных подрядах и на той-же самой спекуляции, действительно, не терпели нужды ни в чем. Зато бедствия трудящихся классов промышленных районов и городов достигли предела.

23-го февраля выступила часть питерских работниц с требованием хлеба. Под этим простым лозунгом: „хлеба!“ началась революция. Уставшая армия обеспечила ей успех, подняв на своем щите князя Львова и Павла Милюкова.

История умеет делать забавные пируэты. Революционный народ хотел мира, а во главе власти поставил жюскобутистов (сторонников войны „до конца“); народ хотел сбросить бремя голода—и, однако, вручил дело хозяйственного устройства России в руки тех, кто стоял за спиной Риттиха.

В самом деле, актом 25 (30) марта 1917 г. *о передаче хлеба в распоряжение государства* Временное Правительство довело до логического конца те мысли, какие были заложены в Риттиховских мероприятиях.

Этим актом все свободные (т. е. за покрытием собственных нужд производителя) запасы хлеба об'являлись собственностью государства и подлежали, после учета, отчуждению в казну по твердой цене. Таким образом, борясь за дешевое снабжение армии и промыслового населения, власть становилась на принципиально правильный путь: спекуляцию можно преодолеть лишь захватом продукта в первоисточнике, т. е. производственной или, по меньшей мере, торговой монополией. Именно последний вид монополии и устанавливался законом 25-го марта 1917 года.

Как-же думало Временное Правительство провести хлебную торговую монополию, памятуя при том неудачный исход Риттиховской хлебной разверстки? Просматривая длинные речи деятелей министерства земледелия (позднее — продовольствия), мы не находим в них ничего нового. Те-же слова, без демократических, правда, украшений, произносились и Кривощеиным, и Наумовым, и даже Бобринским. Февральские демократы, как и царские администраторы, надеялись взять хлеб у мужика и помещика *силою, а не хозяйственными приемами.*

О полицейской нагайке никто в это время (после февраля) не помышлял. Но, как известно, полицейскую нагайку хотел сдать в архив еще Наумов, когда выдвигал особые волостные ячейки по заготовке хлеба. Как раз по этому, Наумовскому пути собирались двинуться

и революционные продовольственные деятели. Первый министр земледелия Шингарев расчитывал, что революционный энтузиазм населения, неизмеримо возросшее чувство гражданского долга в крестьянских низах, наконец, высокая цель хлебной монополии—кормить армию и городских революционных рабочих—создадут необходимый эффект послужат базисом в практической работе.

Такое представление дела проглядывает из каждой строки опубликованного вместе с законом о хлебной монополии *временного положения* о местных продовольственных органах (от 25 марта 1917 г.) Согласно этому положению, во главе продовольственного дела каждой губернии (области) ставился губернский продовольственный комитет из представителей: губернского земства (3), городского самоуправления губернского города (3), местных органов земского и городского союзов и военно-промышленного комитета (по одному), рабочих (4) и крестьянских (4) союзов, кооперативов (6), губернских сельско-хозяйственных обществ (2) и биржевых комитетов (3).

Как видим, ставка на революционные чувства населения не помешала Шингареву ввести в губернский комитет продовольствия по ловину представителей (14) от заведомо цензовых организаций [1]).

Исполнительной продовольственной властью в губернии являлась избираемая продкомитетом управа и председатель продкома. Последний считался и уполномоченным министра земледелия по продовольственному делу в данной губернии.

На тех-же самых основаниях строились по положению 25 марта уездные, волостные, районные и городские продовольственные органы По об'ему прав они отличались однако от губернских: законодатель отводил этим внутригубернским и городским организациям подсобную роль, возложив на них широкие полномочия лишь в области распределения.

Таким образом, создавалась единая рабочая система. Существовавший до февральской революции дуализм продовольственного аппарата устранялся: уполномоченные „Хлебармии" и уполномоченные председателя Особого Совещания по Продовольствию сливались в лице председателя губернского продовольственного комитета.

По существу дела это было совершенно неправильно. Заготовительный орган действует в интересах всей страны, он должен обладать максимальной самостоятельностью по отношению к местному населению. Обратно, орган распределительный, отражая исключительно местные нужды, будет работать удовлетворительно лишь в том случае, если находится в тесной зависимости от обслуживаемого им населения.

Наиболее рациональным выходом из положения было-бы—передать все распределительные действия кооперативам, работающим под

[1]) В момент издания рассматриваемого положения, городские и земские самоуправления, избранные по закону 1892 года, оставались в неприкосновенности.

контролем местного самоуправления; заготовку же продовольствия передать самостоятельно действующим районным агентурам центрального заготовительного бюро.

Но в первые недели революции у центральной власти не было под рукою соответствующего аппарата, потому что органы Хлебармии на местах были так или иначе уничтожены и заменены так называемыми самочинными продовольственными комитетами весьма пестрого но безусловно демократического состава. Это—с одной стороны. С другой же—опыт централизованного аппарата „Хлебармии" не оправдал возлагаемых на него надежд. Это случилось, впрочем, как раз потому, что уполномоченные Хлебармии позволяли себе часто игнорировать политику центра (да и политика эта была колеблющейся неискренней).

Как-бы там ни было, Временное Правительство очень скоро почувствовало все неудобство проводить хлебную монополию, весьма непопулярную среди земледельческого населения и среди помещиков руками крестьянских и помещичьих представителей.

Учет хлебных излишков и погрузка занаряженного продовольствия шли очень слабо. По всем данным, продовольственные комитеты производящих губерний были далеки от мысли опустошить закромы своих хлебопроизводителей, не собирались проявить максимума энергии по борьбе с сокрытием запасов и спекулятивным вывозом. Не только сами они слабо заготовляли продовольствие, но мешали заготовкам и приезжавших к ним агентов потребляющих губерний.

Надо было изыскивать коррективы или в самой хлебной монополии, или в аппарате по из'ятию монополизированного на бумаге хлеба.

Наиболее действительный коррективъ подсказывался с мест: дайте нам промышленные продукты по твердой цене, мы охотно дадим по твердой цене хлеб. Пока этого нет—хлебная монополия понимается крестьянством, как организованный грабеж. Таков смысл многочисленных депеш, докладов, резолюций, получавшихся тогда с мест, из производящих районов.

Правительство, одобряя на словах это положение, на деле старалось утвердить монополию иным путем. Лихорадочно проводилась „реформа" местной администрации: назначались губернские комиссары, подбирался „благонадежный" штат милиции, реставрировалась прокуратура.

В отношении специально продовольственных комитетов, *постановлением* Общегосударственного Продовольственного Комитета [1]) от

[1]) Общегосударственный Продовольственный Комитет был образован 9 марта 1917 г. взамен упраздненного Особого Совещания по Продовольствию. Комитет составился из равного числа представителей цензовых и демократических центральных организаций (политических, профессионально-предпринимательских, кооперативных, муниципальных и научных) и работал под председательством министра земледелия.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

29 апреля 1917 года *об эмиссарах, назначаемых и командируемых на места*, предусматривалось, что для урегулирования дела и для связи с центром местных органов председатель Общегосударственного Продовольственного Комитета посылает своих эмиссаров, которые имеют те-же права, что и губернский продком. В случае разногласия с Губпродкомом, эмиссар передает разрешение вопроса в центр; в случае бездеятельности продкома, эмиссар уполномочивался принимать меры по проведению хлебной монополии единолично.

Дабы эмиссар центра не был одинок в борьбе с крамольными губернскими комитетами, постановление 29 апреля давало ему право об'единять работающих по заготовкам в данной губернии агентов потребляющих губпродкомов и делегатов от воинских частей (эти об'единения впоследствии стали называться делегаткомами—комиссиями делегатов от армии и голодающих губерний).

Справедливость требует отметить, правда, что Временное Правительство понимало всю правоту требований с мест о предоставлении хлеборобу действительной, а не бумажной равноценности отчуждаемого хлеба. *Постановлением от 28 марта* в составе министерства земледелия был образован *отдел по обеспечению сельского хозяйства металлом, орудиями производства и удобрениями, а постановлением от 24 апреля 1917 г. была создана комиссия для выяснения вопроса по снабжению населения предметами широкого потребления.*

Отделом обезпечения были выполнены в течение лета 1917 года кое-какие задания: были выработаны типы и марки орудий, розданы заказы на русских и заграничных заводах, собирался металлический лом для с.-х. машин и т. п. Нельзя сказать, чтоб размах работ отдела был велик; соответствующий отдел прежнего Особого Совещания сделал отнюдь не меньше для русского сельского хозяйства.

Что касается комиссии 24 апреля,—это было такое-же мертворожденное учреждение, как старый Главный Продовольственный Комитет князя Шаховского.

Итак, в первые месяцы после февральской революции продовольственный воз оставался в том-же положении: кадетский лебедь оказался не сильнее руководившего Риттихом и Гавриловым плутократического рака.

Хозяйственный развал страны, между тем, продолжался, неизменно нарастая. В виду сокращения военных заказов, усиления организованной (и стихийной) борьбы рабочих за лучшие условия труда, неопределенного положения на внутреннем и заграничном рынках, промышленники, выражаясь их языком, опускали руки: спешно ликвидировались дела, капитал извлекался из всех тех предприятий, перед которыми не стояла возможность оборачивать его в два-три месяца; патриоты из буржуазного лагеря скупили иностранную валюту, драгоценности, акции и облигации внеотечественных фирм и компаний. Машины, здания, материалы попадали в руки случайных перекупщиков-спекулянтов, нажившихся на сделках в кафе „Ампир“ и на толка-

честве. При таких условиях не могло быть и речи о рациональной демобилизации промышленности, о фундаментальном ремонте всего российского производства. Кадетская и социал-оборонческая ставка на самоорганизацию российской буржуазии, на творчество и разумное самоограничение частной инициативы была бита.

Целыми дюжинами закрывались или сокращали выработку и мелкие, и крупные промышленные предприятия — на юге, в центральном районе, на Урале, в столицах. Сотни тысяч пролетариев уже к лету 1918 г. были выкинуты на улицу. Бессистемная, проводимая в столицах из политических соображений, эвакуация заводов и фабрик довершала общую разруху и усугубляла безработицу.

Остро почувствовалась бестоварье. Спекуляция на предметах промышленного производства достигла неслыханных размеров. Деньги стремительно падали в цене.

При таких условиях хлебная монополия и таксировка с.-хоз. продуктов казалась насмешкою над всем хлебопроизводящим крестьянством: пуд хлеба по твердой цене равнялся одной подкове или полуаршину плохого ситца, или полфунту гвоздей,... если удавалось найти этот товар.

И вот, под оболочкой государственной хлебной монополии, на развалинах крупной хлебной торговли вырос типично-российский продукт — мешечничество и лоскутничество. Десятки и сотни тысяч людей, для неприкосновенности одетых в серую шинель, везли продовольственные продукты в голодающие местности и города, продавали их там имущим потребителям за баснословную цену, закупали у крупных спекулянтов городской товар и везли его в деревню, чтоб сбыть имущему крестьянству.

Эта спекулятивная и жульническая человеческая пыль наносила народному хозяйству гораздо больший ущерб, чем сотня крупных спекулятивных акул, работающих как-никак на виду и руководствующихся до известной степени коммерческой этикой, а главное — длительным хозяйственным расчетом.

Летом 1918 г. и перед слепыми (эс-эрами и меньшевиками из Центр. Исп. Комитета Советов первого созыва) встал вопрос: возможно-ли дальше надеяться на классовое чутье буржуазии, на ее способность организовать хозяйство; целесообразно-ли, регулируя сельское хозяйство, оставлять на усмотрение частной инициативы всю промышленную область.

Уже в первой программе коалиционного правительства (после свержения в мае Милюкова и Гучкова) мы видим пункт о регулировании всего хозяйства в целом. Коновалов и Третьяков сделали все возможное, чтобы этот пункт остался агитационным привеском. Удивительно-ли, что министр продовольствия [1]) Пешехонов, искренно

---

1) Министерство Продовольствия было выделено из состава Министерства Земледелия постановлением 5-го мая 1917 г.

убежденный сторонник того взгляда, что хлебная монополия без предоставления крестьянину реального, товарного эквивалента будет мертва, не мог сделать ничего, кроме взятия в свое распоряжение 40% тканей для товарообмена и кроме попытки синдицировать паточных заводчиков.

Добывание хлеба (во все более и более незначительных дозах, со все большими недогрузами по нарядам — и для армии, и для населения) шло обычным путем: апелляцией к патриотизму и революционному долгу крестьянства (для чего служила туча агитаторов, раз'езжавших по стране) и прямым насилием (реквизициями). Сопротивление местных продкомов осталось не сломленным. Борьба центра с производящими районами продолжалась, причем министерство продовольствия широко применяло в этой борьбе чисто демагогический прием: натравливало голодающие местности на местности, богатые продовольствием, выгораживая таким путем и себя, и все центральное правительство в целом.

В конце концов, однако, пришлось сдаться в этой борьбе не крестьянству хлебных губерний, а центру. В конце августа 1917 г. *твердые* цены были удвоены. Пешехонов ушел с своего поста, видимо твердо убедившись в том, что правительство сдает не те позиции, какие следовало-бы сдать (в этом он мог убедиться гораздо раньше). Заменивший его Прокопович выдвинул завидную по своей простоте программу: удвоив твердые цены, правительство устранило несоответствие цен на хлеб ценам на продукты промышленного производства; поэтому правительство приобрело право вырвать хлеб у тех, кто не дает его за удвоенную (на этот раз уже справедливую) плату. Прокопович грозил применить вооруженную силу к ослушникам закона о монополии и выработал проэкт отнять (и передать в руки специальных уполномеченных) право заготовок у тех продкомов, которые зарекомендовали себя недогрузами и постоянными протестами против высоких нарядов с плохой стороны.

Правда, министерство продовольствия выдвинуло вместе с тем и проэкты достаточного снабжения сельских местностей продуктами промышленного производства, но следует усомниться, смогло-ли бы оно провести эти проэкты в жизнь: общая политика Керенского в это время окончательно определилась; речь шла не о „социалистических экспериментах", а о твердой власти, опирающейся на сплоченные буржуазные классы. Этим вычеркивались из обихода и монополии, и твердые цены, ибо российская буржуазия, не в пример немецкой, не видела никакой нужды в стеснении частной инициативы. Ну что-ж, за лишние 20% барыша она продала свои великодержавные мечты. Состояние народного хозяйства России было к осени 1917 г. так печально, что требовался большой подвиг со стороны класса, стоящего у власти. Если его не захотела совершить московская плутократия и питерские банкиры,—его взял на свои плечи следующий организованный класс — пролетариат (в России нет мещанства, как организо-

ванной политической силы, поэтому Керенский погиб-бы даже и в том случае, если бы порвал с Коноваловым).

III. Система продовольственных мероприятий Советской Власти

С момента октябрьского переворота прошло около месяца, прежде чем Совет Народных Комиссаров нашел возможным взять всецело в свои руки и соответственно видоизменить старый продовольственный аппарат. Значительную помощь оказали ему в этом деле (при наличии явного и скрытого противодействия продовольственных служащих министерства и местных органов) делегаты армейских комитетов.

Но прошло гораздо больше времени, прежде чем советская власть смогла проводить свою продовольственную политику.

Политику эту, в ее основе, можно выразить коротко: все продукты массового потребления должны быть взяты на учет государства и распределены уравнительно; все производители должны получить за отчуждаемые у них предметы справедливую твердую цену; крупные и средние производственные предприятия должны быть национализированы, равно и *вся* частная торговля.

Отсюда вытекало, что крестьянство получит полную равноценность своих хозяйственных благ, а городской рабочий не будет нести на своей шее последствия бойкота деревнею великодержавных намерений власти, как это имело место при Львове и Керенском.

Пока формировалось центральное ведомство—управления и отделы Народного Комиссариата Продовольствия, местные продовольственные учреждения работали в общем на свой страх и риск. Продовольственные комитеты производящих районов вели заготовку пищевых продуктов в уровень местных потребностей, часто низводя свою деятельность и ниже этого уровня (разительный пример—Вятская губерния). Обслуживание голодающих районов казалось им обременительным и даже, „в виду ничтожности местных запасов", невозможным. Они боролись с мешечниками и воевали с заготовительными агентами потребляющих губерний, но борьба эта велась с чисто местными целями: не дать утечь продукту, облегчить тем самым заготовки для себя, для своих городов и неземледельческих слоев населения.

Для наибольшего облегчения таких заготовок, продкомы сплошь и рядом игнорировали твердые цены и устанавливали свои, „более справедливые". В этом проявлялось уже не простое нерадение, а преступный или до последней степени наивный взгляд на вещи. Если твердые цены, установленные центральною властью, на самом деле были-бы несправедливо низки,—исправление их в порядке местного усмотрения было равносильно полному крушению всей хозяйственной системы Республики.

Что касается продовольственных учреждений, потребляющих

районов,—их работа сводилась к посылке в места заготовок своих агентов и толкачей и к выдаче „разрешений“ на заготовку сельским ходокам, представителям организаций, а то и просто частным лицам. Такую практику комитеты мотивировали неизменно одним: по плановым нарядам мы ничего или почти ничего не получаем, а посему проявляем самодеятельность.

Распределение продуктов по установленным потребительским нормам (по карточкам) существовало лишь в столицах и кое-где в иных потребляющих местностях; не менее 80—90% потребительского спроса покрывалось частной мелкой торговлей и мешечничеством. Даже в Петрограде, особенно-же в Москве, мешечники играли главенствующую роль в питании более состоятельных слоев населения. Само собою разумеется, что бедствия неимущего люда—неквалифицированных рабочих, мелких служащих, бесхлебного среднего и беднейшего крестьянства были велики.

Вот при каких условиях Комиссариат Продовольствия приступил к осуществлению своей программы—хлебной монополии на основе правильного товарообмена промышленности и сельского хозяйства.

Огромные товарные запасы были собраны Комиссариатом на национализированных фабриках и заводах и двинуты по приблизительно пока составленному плану в хлебородные районы Республики (главным образом Сибирь, Северный Кавказ и Поволжье). Предполагалось, что все эти товарные массы будут распылены губпродкомами в правильно подобранных ассортиментах по кооперативным и иным распределительным пунктам и будут обменены на зачетные квитанции ссыпщиков хлеба (по коллективному при этом, а не единоличному принципу, т. е. товар получает не каждый ссыпщик, а целое сельское общество, которое затем распределяет товары внутри себя не по количеству сданного каждым членом хлеба, а по потребностям. Этим беднейшие крестьяне побуждались к надзору за своевременною и максимальною ссыпкою хлеба более состоятельными односельчанами).

По предварительным подсчетам, в течение апреля и мая 1918 г можно было таким образом распределить необходимых для крестьянства товаров на 1.162 миллиона рублей, получив в обмен до 120 миллионов пудов хлеба, т. е. приблизительно столько, сколько необходимо было для годичного продовольствования потребляющих районов.

Эти совершенно правильные теоретические подсчеты были, однако, жестоко искажены действительностью.

Прежде всего, центральный аппарат Компрода был не в силах при наличии всяких междуведомственных трений и в виду известного противодействия фабрично-заводских комитетов, взять на свой учет все то, что предположено было взять. Фактически отправлено было меньше промышленных продуктов, чем предполагалось. Но не в этом заключалась беда.

У местных продовольственных учреждений не было сколько нибудь сносного распределительного аппарата. Прибывшие в конечный

пункт вагоны с мануфактурой, металлическими изделиями, кожей и проч. иной раз по месяцам стояли неразгруженными. Те-же товары, которые так или иначе попадали на склады продкомов, начинали рассовываться по кооперативным и даже частным распределительным пунктам без всякого плана и без всякой „задней мысли". Нередко эти предназначенные для специальной цели (товарообмена) ценности распределялись среди городского населения, а попадая в деревню, продавались за деньги.

Намерения центральной власти остались совершенно непонятыми и чудовищно извращенными на местах, провинциальными продовольственными учреждениями.

Открывшаяся к лету по всем фронтам гражданская война окончательно погубила дело товарообмена в первоначальной его форме. Таким образом, промышленный пролетариат центра и севера Республики, доверив свои ценности Губпродкомам, сыграл лишь на руку всякого рода спекулянтам и кулакам, во время прибравшим то, что безпечно раскидывалось продовольственниками.

Такой оборот дел с товарообменом и стремительно падающая погрузка по продовольственным нарядам заставили Комиссариат Продовольствия обратить живейшее внимание на состав и работу местных его учреждений.

Было очевидно, что как классовый состав местных советов, частями коих являлись продовольственные органы, так и самая деловая структура этих органов не способствуют их роли охранителей хлебной монополии и интересов Республики. Представлялось необходимым, во-первых, парализовать влияние в продкомах кулацкого элемента, тесно связанного со спекуляцией, во-вторых же – поставить продкомы в более тесную зависимость от центральных учреждений Комиссариата Продовольствия.

Декретами 13 мая (о продовольственной диктатуре) *и 27 мая* (о новом устройстве местных и центральных органов снабжения предусматривалось:

а) право Народного Комиссара Продовольствия отменять всякие постановления местных и иных властей, клонящиеся к отмене или извращению продовольственных законов Республики, и привлекать виновных, кто-бы они ни были, к суду;

б) утверждение выбранных губернскими советами комиссаров продовольствия (председателей губернских продкомов) со стороны Народного Комиссара Продовольствия, а уездных, выбранных уездными совдепами, комиссаров—со стороны губернского;

в) введение в состав губернских комитетов продовольствия с правом решающего голоса представителей Компрода, рекомендованных Компроду продовольственными комитетами потребляющих губерний; командирование Компродом в состав уездных продкомов на таком же праве представителей рабочих организаций голодающих местностей и столиц;

г) устранение волостных продкомов от всякого участия в деле заготовок и значительное сужение прав по заготовкам уездных продкомов;

д) посылка в производящие районы реквизиционных отрядов, действующих по особым инструкциям Компрода и находящихся под общим руководством губпродкомиссаров.

Всеми этими мерами поставленная перед центральным ведомством продовольствия цель как будто достигалась. Но руководители продовольственной политики прекрасно понимали, что никакой, пусть наилучший, технический аппарат не справится с задачей национализации крестьянских излишков и распределения в крестьянстве промышленных продуктов, если он не будет опираться на живое содействие самого населения.

Вот почему декретом 11 июня 1918 г. вызывались к жизни так называемые комитеты сельской бедноты (комбеды). В силу этого декрета, полупролетарии деревни, беднейшие крестьяне призывались помочь пролетариату промышленности в борьбе против кулаков и спекулянтов, скрывающих продовольственные запасы, обрекающих неимущее население Республики на голод и тем самым подтачивающих самые основы советской власти—власти трудящихся.

Дабы непосредственно побудить бедноту, еще темную и забитую, к широкому политическому действию, декрет 11-го июня устанавливал известные экономические выгоды:

а) часть реквизированного комбедами у кулаков хлеба шла бесплатно (а после известного срока — по половинной цене) на продовольствие самой бедноты;

б) приходящие в обмен на хлеб промышленные продукты должны были отпускаться крестьянам тех селений, где комбеды успели собрать все хлебные излишки, с большею скидкой.

Реквизиционные рабочие отряды, предполагалось, явятся инструкторами создаваемых комбедов. Найдя в них опору и руководство, сельская беднота восстанет против своих мироедов в организованных и творческих формах. Пролетарий станка и полупролетарий сохи — трудящийся крестьянин, встретившись лицом к лицу в живой работе, скорее поймут друг друга и солидаризируются в достижении великих задач социализма. Такова была идея декрета 11-го июня — довершить в деревне то, что начато в городе 25-го октября 1917 года.

Принято думать, что всеми указанными мероприятиями советская власть отступала от первоначальных своих намерений — строить продовольственное дело на основе товарообмена. Это неверно. Товарообмен оставался в центре внимания Компрода; власть старалась лишь опереть его на новый технический базис.

Однако, на местах эта правильная идея претворилась в формы, далекие от ожидаемых.

Прежде всего реформа 27-го мая двигалась необычайно медленно. Наша общая бедность практическими работниками сказалась и тут

Комиссару продовольствия приходилось сплошь и рядом утверждать в роли губернских комиссаров людей неопытных и мало известных с идейной стороны, часто приходилось при этом всецело полагаться на рекомендации исполкомов. А этого, к сожалению, мало. Часто приходилось действовать „в слепую“ и при посылке в губернские комитеты полномочных представителей центральной власти. Командируемые же в состав уездных продкомов делегаты рабочих организаций почти сплошь были людьми неопытными, новичками в сложном и весьма щекотливом продовольственном деле.

Вполне естественно, что и реквизиционные рабочие отряды, выехавшие в большом количестве в течение лета 1918 г. на места заготовок, и возникавшие довольно дружно комитеты сельской бедноты не встретили в лице продовольственных учреждений руководства. При таких условиях новый этап продовольственной политики в тех или иных местностях был понят, как хлебная война, как организованный поход не только против кулаков, но и против среднего крестьянства. На деле получалось чудовищное извращение декретов 27-го мая — 11-го июня, влекущее за собою вполне понятное противодействие крестьянства. Благодаря неопытности и темноте местных руководителей, вместо расслоения деревни и самодеятельности трудового малоимущего крестьянства, получалось нередко сплочение деревни под предводительством кулаков для отпора „реквизиторам“ и „голытьбе-лодырям“.

Необычайная темнота сельского населения, убогость нашей просветительной работы в деревне способствовали такому нелепому ходу дел и помогали кулачеству делать его темное дело.

Представлялось необходимым положить много труда над подбором провинциальных работников и над развитием закупочно-распределительного аппарата губернских продовольственных комитетов, пока же было необходимо в срочном порядке защитить среднее крестьянство от агрессивных действий хлебных отрядов, усилить деловую агентуру губпродкомов кооперативным механизмом, а вместе с тем выдвинуть на должное место товарообмен; наконец, необходимо было устранить в сельских местностях ту двойственность власти, какая создалась с возникновением наряду с советами депутатов комитетов бедноты.

Народный Комиссариат Продовольствия в этот период (вторая половина лета 1918 г.) вплотную подошел к созданию своего достаточно солидного штата инструкторов. Бесспорно, инструкторский персонал Компрода, даже и не обладавший пока деловым стажем, сделал не мало в смысле упорядочения местной продовольственной работы и известного смягчения слишком прямолинейных и элементарно-грубых действий продотрядов.

Декретом 6 августа о привлечении рабочих организаций к заготовке некоторых продовольственных продуктов аппарат губпродкомов усиливался свежим, непосредственно заинтересованным в ходе

дел элементом. Вместе с тем рабочие—члены таких заготовительных отрядов—проходили во время своих командировок деловую школу,—в ином, конечно, духе, чем то было с членами реквизиционных отрядов.

Одним из важнейших актов советской власти—*декретом 8 августа 1918 г. об обязательном товарообмене*—на помощь губпродкомам призывались и кооперативные организации. В 12 губерниях (производящих) на кооперативы возлагалась тяжелая задача—осуществить, наконец, в деловом виде товарообменные операции. Этим актом советская власть проявляла доверие к среднему крестьянству и становилась впервые на путь серьезного сотрудничества с его свободными организациями.

Целым рядом частных распоряжений и общими инструкциями для реквизиционных и заградительных отрядов Народный Комиссариат Продовольствия старался „овладеть своей политикой" и в отношении самой тяжелой стороны продовольственного дела—в отношении насильственного из'ятия скрываемых от Республики продуктов и продуктов, поступивших в спекулятивный оборот (мешечников).

Наконец, резолюцией Шестого Чрезвычайного С'езда Советов и соответствующим декретом советская власть ликвидировала двойственность сельского административно-муниципального аппарата: вместо старых общекрестьянских советов, куда успели проникнуть „по темноте мужицкой" кулаки, и вместо комбедов, где, по той-же темноте, часто свивали гнездо действительные лодыри, теперь создаются единые советы депутатов, избираемые исключительно трудящимся (но не кулацким) крестьянством.

Так закончилась вторая страница советской продовольственной политики. Идея, как видим, осталась та же, но аппарат по осуществлению ее значительно усложнился. Последнее обстоятельство указывает, что за протекшие трудные месяцы мы все многому научились. А если мы способны учитывать опыт, значит мы способны и управлять. Наша „учеба" идет не так быстро, как хотелось бы, но надо помнить, что творимое раньше за годы и десятилетия у нас должно созреть, отработать и умереть, оставив „мудрость жизни", в течение дней и недель.

Тем не менее спасение советской власти и социальных завоеваний трудового народа России в чрезвычайно быстром усвоении всеми органами власти „государственного искусства". Малейшие промахи могут нам обойтись очень дорого. Не надо забывать, что разрушительные процессы в нашем народном хозяйстве не остановлены. Заводы и фабрики продолжают закрываться, города непрерывно пустеют, пролетариат рассасывается в деревне. Сама деревня, в виду непрекращающейся спекуляции, закабаляется мало по малу у кулаков и хозяйственно деградирует. Ведущаяся на всех фронтах борьба с белогвардейцами, черпающими из богатых капиталистических источников, отымает у нас все те хозяйственные излишки, какие могли бы пойти на улучшение питания населения и увеличение орудий производства

Короче говоря, быстро текущее время выбивает из-под ног народной власти все хозяйственные основы социалистических реформ, подготовляя возврат к натуральному хозяйству и натуральной дикости деклассированного, истощенного, доведенного до последних границ отчаяния населения.

При таких условиях необходима гениальная находчивость рабочих масс и гениальная прозорливость государственных людей в центре и на местах. Дело в конце-концов не в хороших декретах, а в толковых исполнителях.

И вот приходится сказать, к сожалению, что, несмотря на все мероприятия центрального продовольственного органа по улучшению исполнительного аппарата заготовок и распределения, аппарат этот еще очень плох.

Доказательством тому служит судьба *декрета 21 ноября 1918 г. о национализации частной торговли.*

Этим декретом обобществление заготовок и распределительных действий по существу завершалось. Подтверждая соответствующие вступительные параграфы акта 27 мая, декрет 21 ноября устанавливал за Комиссариатом Продовольствия исключительное право по регулированию распределения предметов питания, первой необходимости и домашнего хозяйства. Главное Управление по Продукторараспределению Компрода призывалось ведать всеми такими вопросами, при чем особые центры этого управления должны были постепенно овладеть заготовкою всех видов продуктов массового потребления, в соответствии с чем те или иные отрасли частной торговли национализировались, поступая в исключительное заведывание гор- и губпродкомов. Пока-же декрет предписывал национализировать те частные (но не кооперативные) склады и распределительные пункты, которые торговали уже монополизированными продуктами, и организовать из этих национализированных, а также существующих советских и кооперативных лавок и складов достаточно густую и хорошо поставленную сеть по снабжению населения монополизированными продуктами.

Во многих местностях (и даже в столицах) этот декрет был совершенно извращен. Было приступлено к национализации всей частной (а кое-где и кооперативной) торговли. Не обладая источниками снабжения национализированных торговых предприятий, продкомы принуждены были, распродав небольшие наличные остатки товара, повесить замок на двери вновь приобретенной „государственной собственности", а голодающих приказчиков или распустить, или взять на государственный счет.

Вот лишнее доказательство, что исполнительные органы Компрода еще не стоят на той высоте, какая требуется моментом. Они не только неспособны исправить, смягчить частные погрешности тех или иных актов центральной власти, они нередко извращают, делают каррикатурой и здоровые мысли законодателя. Предстоит еще не мало работы над усовершенствованием заготовочно-распределитель-

ного аппарата Республики. Крупными шагами в этом направлении необходимо признать *постановление Совета Народных Комиссаров от 10 декабря 1918 г.* [1]) о снятии беззаконно поставленных *заградительных отрядов* и о свободном провозе гражданами ненормированных продуктов и резолюцию В. Ц. И. К. Советов от 17 января 1919 г. о временном ограничении списка нормированных продуктов немногими основными продуктами питания, о широком привлечении рабочих организаций и кооперативов по системе премий к заготовкам и распределению всех продовольственных продуктов и о введении рабочей инспекции во все органы снабжения.

В течение весны и лета 1919 года Комиссариат Продовольствия не создал никаких новых основных норм заготовительной работы. Было обращено внимание на дальнейшее улучшение аппарата заготовок, на устранение всех случайных элементов, привносимых ранее в отношения Советской Власти к крестьянству. Предполагалось, что основные задачи в области собирания продуктов—это совершенствование работников и технических приемов работы.

Теперь перед Наркомпродом встала задача иного рода—внести живую струю в распределительный аппарат.

Тактический принцип Советской власти—пробудить самодеятельность трудового населения. Мы видели выше, что именно на этом принципе Компрод пытался строить свой заготовительный механизм, эта же заповедь была применена и в формировании распределительных органов. Советская Власть обратилась к кооперации, признав кооперативные (потребительские) ячейки монопольными распределителями всех продовольственных продуктов и предметов первой необходимости. Но от старой кооперации были потребованы значительные жертвы—ей было предложено обслуживать не только „самодеятельных" кооператоров, но все без исключения население. Декрет о потребительских коммунах отменял паевые взносы и давал всем трудящимся право участвовать в выборе и контроле кооперативных органов. Отныне потребительская кооперация, теряя свои особенности частного, лишенного публично-правовых функций сообщества, вливалась в единый заготовительно-распределительный аппарат Республики—Наркомпрод.

Итак, сделано было все, что лежит в силах пришедшего к власти класса. При вынесении окончательного приговора продовольствен-

---

[1]) **В оценке означенного постановления Компрод расходится с автором настоящей брошюры. Постановление 10 декабря 1918 г., равно как и декрет В. Ц. И. К. от 21 января 1919 г., надо рассматривать как акты, изданные вразрез с основами советской продовольственной политики, что было вызвано слабостью советских продовольственных органов в тот момент, когда делались указанные шаги. (Редакция).**

ным мероприятиям Советской Власти необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, Республике приходится вести непрекращающуюся жестокую войну за свое существование во всех пунктах своей внешней границы и преодолевать серьезные сопротивления своих классовых противников внутри страны.

Эта война поглощает все те свободные товарные рессурсы, которые необходимы для поднятия производства промышленных и сельско-хозяйственных благ. Она отвлекает от производительного и организационного труда лучших граждан, она отрезывает Советскую Россию от всех тех стран, которые могли бы оказать нам кредит для восстановления нашей промышленности Больше того, эта война отрезывает наши промышленные районы от внутренних источников сырья и топлива.

Наивно было бы рассчитывать на миролюбие наших противников, чтобы прекратить столь тяжелое для Республики положение зачумленной страны. Пока Советская власть не откажется от своих социалистических заданий, т.-е. от самой себя, или пока все трудовое население не встанет на самозашиту и не даст должного отпора всяким авантюристам и капиталистическим хищникам, до тех пор наше народное хозяйство будет задыхаться и разлагаться в тисках бесконечной войны и блокады, до тех пор Наркомпрод будет не в силах при наилучшей своей организации накормить, обуть и одеть всех граждан.

Во-вторых, не надо забывать, что продовольствие — это узел всей хозяйственной жизни. Немыслимо возлагать на Наркомпрод полную ответственность, если этот узел до сего дня не развязан. При земельных и заводских неурядицах нет нормального производства благ; при расшатанностн путей и средств сообщения не может быть правильного распределения продуктов; при непрекращающемся наводнении страны бумажными деньгами не может быть устойчивых, действительно твердых оценок труда и продуктов. Наконец, при серьезных недостатках административного аппарата не может быть спокойной, рассчитанной, согласованной во всех частях работы по извлечению излишков и по снабжению.

В-третьих, поскольку Наркомпрод основывает свои планы на самодеятельности и на политической сознательности населения, возникает необходимость отметить отсутствие в трудовом населении России как раз этих элементов общественной работы. Поскольку аппарат Наркомпрода еще слаб и несовершенен,—население имеет право требовать самодеятельности в сфере заготовок и распределения хозяйственных благ. Но печально то, что во всех опытах предоставления такого права самодеятельности оказывалось, что широкие слои трудящихся проявили неспособность к организованному общественному действию. Всякий для себя, а Богъ за всех—эта заповедь, к сожалению, еще не изжита. Отсюда можно делать различные выводы

в практической работе Наркомпрода, но никогда не надо забывать этого позорного уровня нашего общественного сознания при теоретических оценках продовольственных (да и иных) мероприятий Советской Власти. Самое совершенное во всех отношениях „начальство" не осчастливит трудящихся, если сами рабочие и крестьяне не будут откликиться на призывы своих вождей, будут отклонять от себя самые ничтожные жертвы и замыкаться в узеньком мирке своего очага.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР